

Валерия Горбачева

Сапфировый волк

Валерия Горбачева
Сапфировый волк

«Издательские решения»

Горбачева В.

Сапфировый волк / В. Горбачева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748074-5

Авиакатастрофа и жуткое одиночество в незнакомых пугающих джунглях. Сон? Или явь? Вот привычный мир: семья, друзья, работа... но что-то неуловимо изменилось, и реальность все больше походит на сон. Как разобраться, где ты и кто для тебя друг, а кто — враг?

ISBN 978-5-44-748074-5

© Горбачева В.
© Издательские решения

Сапфировый волк

Валерия Горбачева

© Валерия Горбачева, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мерный, чуть приглушенный гул самолета успокаивает, расслабляет и как будто усыпляет, но заснуть я не могу. Это странно и непривычно, потому что я всегда сплю в самолете. С детства меня укачивает при взлете и посадке, и мне скучно смотреть в иллюминатор на облака во время полета. С земли облака кажутся всегда разными, они манят и волнуют, особенно, когда лежишь на зеленой траве, мечтаешь о чем-то, глядя в голубое небо, и представляешь, что там, за белыми невесомыми облаками есть что-то чудесное и прекрасное. Особенно в детстве. И еще в детстве я всегда верила, что облака, изменяясь и принимая разные формы, то знакомые, то фантастические, передают нам тайные знаки, и если правильно их разгадать... А из окошка самолета все ясно и научно – вот облака, сверху они кажутся мне совершенно одинаковыми – неровная белая гряда, а под ними такая знакомая и тоже одинаковая поверхность нашей земли. Нет, конечно, первый раз увидеть маленькие машинки и домики, похожие на спичечные коробки, речку, будто нарисованную на карте, и озера, больше смахивающие на лужицы после дождя, было, в общем-то, забавно, но это только в первый раз... В общем, сплю я в самолетах. Обычно. Только сейчас мне почему-то не заснуть и это немного тревожит меня. Сквозь полуприкрытые веки я вижу пассажиров – почти все спят. Нет, не все. Впереди меня читает девушка, что-то высматривает в темном окне задумчивый молодой человек, сидящий со мной в одном ряду. Я вижу, как он морщит лоб и прищуривает глаза, как будто мысленно ведет с кем-то спор, но и он скоро уснет, это чувствуется по его расслабленным плечам и ровному неглубокому дыханию. Ночь. Лететь нам еще долго. Почему я не сплю? Это так утомительно и так тревожно. Опять тревожно. Что за чушь лезет в голову? Откинув голову на спинку кресла, я закрываю глаза. Надо уснуть, расслабиться и представить себе какое-нибудь приятное, почти сказочное событие, бал, например. Легкие как будто воздушные платья, мерцающие свечи, тонкая прозрачная вуаль, слетающая с плеч в плавном движении вальса... и музыка. Раз-два-три, раз-два-три...

Резкий звук, похожий на треск разрывающейся материи, только много сильнее и резче, разворачивает уже почти уснувшую, свернувшуюся в точку тревогу и выплескивает ее наружу. Я резко открываю глаза и ослепленная ярким светом, проваливаюсь в черноту. Катастрофа.

Я лежу с закрытыми глазами и боюсь пошевелиться. Мой мозг судорожно пытается понять, что произошло и пока не может. Я старательно прислушиваюсь и вдруг чувствую, как на грудь ко мне мягко прыгает кот. Меня это ничуть не пугает, напротив, это очень привычно и даже правильно. Поэтому я почти спокойно открываю глаза. В первое мгновение я в некотором замешательстве – неестественно ярко блестят его желтые с зеленью глаза, но это только мгновение. Клим урчит, старательно лижет шершавым языком мой лоб и щеку, нетерпеливо перебирает лапами, слегка царапая мне руку. Все правильно. Он будит меня на работу. Самолет, девушка с книжкой, парень у темного иллюминатора, моя тревога, и катастрофа – все это только сон. Сон! Боже мой! Какое счастье, да, да, именно счастье, необъятное, невзаправдашнее, ликующее, какое бывает только во сне, такое счастье охватывает меня. Утро, доброе всем утро!

Удивительное дело, но я легко встаю, хотя вообще-то люблю поваляться в постели, как самая обычная лентяйка. Еще удивительнее, что я хочу есть и с аппетитом съедаю приготовленный заботливым мужем творог, и два (два!) бутерброда. Просто какой-то кошмар, где же

ты, мое интеллигентное утонченное, почти аристократическое утреннее отсутствие аппетита? Так ведь недалеко и до борща с макаронами на ночь, этак после одиннадцати... Но даже эти мысли не портят моего настроения. Я хочу, чтобы все сегодня было хорошо.

А рабочий день начинается обычно: мимолетное обсуждение вчерашней телепередачи в приемной, традиционное «как дела?» и такое же традиционное «спасибо, все нормально!» – с сотрудниками соседнего отдела. А минут через двадцать пошло-поехало: акты, списки, телефонные звонки, маркировка предметов, глюки старенького компьютера и небольшое объявление на доске, что сегодня состоится методическая поездка в Мальской монастырь, отъезд от музея в 11.00. Привычные музейные будни.

– Наташа, ты едешь в Малы? – моя подружка Аленка только заглядывает в кабинет, но дальше не проходит, видимо просто пробегает мимо, торопясь по какому-нибудь делу.

– Еду, еду, – мне радостно видеть Аленку, я еще не привыкла, что она теперь снова каждый день на работе. Только вчера она вышла после декретного отпуска. Ее малышу исполнилось три года, и хотя в садик его еще не отдадут, и бабушка согласна сидеть с любимым внуком, но мама – извольте на работу. Пока Алена сидела с сыном, мы виделись все-таки редко. Конечно, звонили друг другу часто, в гости иногда ходили – на дни рождения или праздники: дружим-то мы давно и крепко несмотря на почти десятилетнюю разницу в возрасте, да и мужья наши вместе работают. Но теперь, когда мы видимся каждый день – это совсем другое дело.

– Место в автобусе занимай, если первая придешь, – кричу я ей вдогонку, и слышу ее радостное далекое «ладно».

Место занимаю я. Как всегда, впрочем. Мне смешно, когда в окошко я вижу, как Алена почти бегом бежит, надеясь занять лучшие места в автобусе, а, вскакивая в него, демонстративно вытаращивает глаза – все уже давно на месте и свободное место только одно – то, которое я заняла для нее.

– Спасибо, дорогая! – она опускается на сидение рядом со мной и без перехода начинает рассказывать последние новости о семье, сыне, муже. Мы болтаем с ней без перерыва всю дорогу. Обсуждаем погоду (удивительно теплый в этом году октябрь, даже странно!), музейные проблемы (завтра открытие выставки, а еще не все готово, и когда только будут доделывать? – ах да, конечно же, нынче ночью, это же известная русская традиция, старая как мир), житейские сплетни (а ты не звонила Олечке? Как ей там, на новом месте, работается, привыкает ли, справляется?) и так далее и тому подобное... Наши сотрудники слегка посмеиваются над нами – все понимают, что мы просто ужасно соскучились друг без друга, и включаются в обсуждение общих проблем – новый проект просветительского отдела по работе со школьниками прошел в финал фестиваля в Петербурге. Это престижно и всем интересно: как поедут, как выступать будут, чем кто помочь может. Обстановка мирная и веселая. Катя Быстрова, наш сегодняшней гид, показывает водителю, где и как лучше проехать. Все лезут к ней с советами, а она только весело и беззаботно отмахивается. Солнце играет в окнах, в автобусе тепло, даже жарко, а за окном яркий осенний день.

Мальская долина встречает нас неожиданно сильным ветром. Мы стоим на вершине высокого холма, одного из многих, что скрывают ее от случайных глаз. Подобно Кругосветным Горам из сказки, они окружают долину, в центре которой стоит небольшой древний монастырь. Его можно увидеть, только взобравшись на вершину холма и подойдя к самому его краю. Мы на вершине. Мы на краю. Вокруг все так же красиво, ярко, но солнечный теплый день как будто исчезает, уходит, подгоняемый внезапно налетевшим холодным дыханием. Мы замолкаем, застегивая куртки и плащи. И уже не слышно шуток, все какие-то притихшие. Какой-то вопрос крутится у меня в голове, но я никак не могу его сформулировать. Кажется, что вот-вот, еще совсем немного и я пойму, что это, но логическая нить опять ускользает. Я вижу, как Катерина что-то рассказывает, показывая рукой на дальние холмы, поросшие тонкими белоствольными деревьями. Но я не слышу ее, все заглушает шум ветра и сильно отвлекает усколь-

зающая мысль в моей голове. Но вот мы спускаемся в долину. Несколько шагов по крутому спуску – и ветра больше нет, как будто переходишь невидимую границу, отделяющую большой неприветливый мир от уютной сказочной долины, где все тихо и прекрасно, где даже осень похожа на лето, только красок побольше, да гнезда аистов уже пусты. И снова нам становится весело и смешно. Погоди, осень, не налетай так внезапно. Есть еще время погреться на солнышке, есть еще беззаботность и легкость в словах и жестах, есть еще время...

Удивительный это был день. Такой яркий и такой насыщенный впечатлениями, наполненный солнцем и прозрачным воздухом, пронизанный древними легендами Мальского монастыря и милыми шутками сегодняшнего дня. Вечером лежа в кровати, я все вспоминаю и вспоминаю детали ушедшего дня. Хороший день. Удивительно хороший день. Мои глаза слипаются, я хочу спать. Но тревога, ушедшая с первыми утренними лучами солнца и уже, казалось бы, забытая, вдруг взрывается во мне снова с еще большей силой. Я резко открываю глаза. Темно.

Постепенно привыкая к темноте и различая неясные очертания находящихся вокруг меня предметов, я чувствую, как ужас холодной волной накрывает меня. Я в самолете. В упавшем самолете. Мысли беспорядочно мечутся, перебиваемые обрывками воспоминаний, какими-то яркими и бессмысленно красивыми картинками, всплывающими в памяти независимо от моего желания. Усилием воли я стараюсь упорядочить поток всей этой чехарды, но у меня ничего не получается. Более того, я чувствую, как леденеют ноги и кончики пальцев на руках. Удушливый холод распространяется откуда-то из глубин мозга. Каким-то отдельным, отстраненным кусочком своего сознания я отмечаю несоответствие своих ощущений: холод, идущий от головы начинается с ног. Это паника. Я осознаю это внезапно, как будто кто-то произнес ужасные слова вслух четко и внятно, как плохо слышащему или слабоумному. Я не слабоумная. От обиды мозг начинает работать четко, по привычке придумывая с ходу какие-нибудь (все равно какие!) объяснения происходящему. Я сплю, и мне все это снится. Сон мне не нравится, сейчас я ущипну себя и проснусь. Сейчас. С трудом вытаскивая руку из-под чего-то мягкого, но очень тяжелого, я сильно впиваюсь ногтями в свое плечо. Больно. Очень больно. Значит это не сон. Увы! Ладно, тогда это... опять холод. Он поднимается все выше. Спокойно, спокойно. Нужно попробовать встать. Сосредоточившись на этой цели, я перестаю придумывать объяснения происходящему, и только где-то далеко вскользь промелькнуло мимолетное сожаление «а какой был день!».

То ли глаза мои привыкли к темноте, то ли светлеет, но я уже четко вижу все вокруг. И от того, что я вижу, меня снова охватывает ужас. Нет, теперь это не паника, не отчаяние, а именно ужас. Разрушенный покореженный разорванный самолет, вывороченные кресла, свисающие обрывки каких-то лент, проводов, лохмотья тканей и каких-то незнакомых материалов. И тела. Неправдоподобно мертвые тела. Их много. Слишком много. Как в кошмарном сне или голливудском боевике. Выбраться, нужно скорее выбраться отсюда. И я начинаю движение. Мне кажется, что я должна бежать быстро, но это почему-то не так. Я продвигаюсь по разорванному самолету медленно, плавно, и как будто бы осторожно, но, тем не менее, постоянно натываюсь на какие-то предметы, перевернутые кресла, расстегнутые сумки. Наступаю на одеяла, куртки, пакеты и стекла. Я стараюсь не смотреть по сторонам, но все равно боковым, задним, внутренним зрением я вижу мертвые тела. Много мертвых тел. Меня удивляет, что мало крови. Это мое удивление приводит меня в некоторое замешательство. Я как будто смотрю фильм. Ведь находясь по другую сторону экрана можно критиковать, удивляться и так легко отмечать неправдоподобность увиденных кадров. Может, я все-таки сплю? На этой конструктивной и довольно оптимистической мысли я наконец вываливаюсь из самолета, и в лицо мне ударяет свежий воздух. Воздух, наполненный запахами незнакомых трав, ароматом чужих цветов и немного отдающий гарью. Интересно, во сне запахи чувствуются? Опустившись на землю,

я пытаюсь сосредоточиться, но у меня ничего не выходит. Мысли опять скачут, в голове крутится дурацкий вопрос о запахах, сменяющийся яркими картинками из далекой теплой осени. Голова кружится, к горлу подкатывает тошнота. Наваливается тяжелое чувство приближающегося безумия. Страх, отчаяние, беспомощность и как выход из всего этого – слезы. Безудержные, горячие, сумасшедшие... и спасающие от сумасшествия.

Я не знаю, сколько времени прошло, но слезы все-таки закончились. Конечно, не вдруг, и не сразу, какое-то время я еще всхлипываю, и тру глаза рукой, но как говорится «все проходит, и это пройдет». Вообще-то я замечала и раньше, что эта известная, банальная до оскомины фраза, помогает мне как заклинание. Как только она произвольно всплывает в моей памяти, тут же силы возвращаются ко мне. Не знаю, на других это может и не действует, но в себе я уверена. Это моя молитва. Итак, все проходит, и слезы прошли, но что делать дальше? Честно говоря, я знаю, что должна делать, но что-то детское или женское во мне противится этому моему знанию. Я не хочу возвращаться в самолет. Я знаю, что должна посмотреть, может быть, там есть раненые, и им нужна моя помощь, а даже если и нет, все равно, я должна туда пойти – посмотреть еду, воду, мобильные телефоны... хотя какие к черту телефоны, здесь наверняка нет – как это называется? – а, кажется, зона покрытия. Здесь нет зоны покрытия. Боже мой, как мне сейчас не хватает рядом моего мужа! Там, в другой жизни, мне все время казалось, что я сама принимаю все решения, а он только одобряет и помогает мне. Оказывается, что без него я не могу ничего решить. Ну, решить, положим, смогу, а вот сделать... Ты должна, малышка. Эти слова он всегда говорит мне, когда я сомневаюсь или боюсь или не хочу. Глубоко вздохнув, я встаю. В голове крутится какой-то вопрос. Он мешает мне, я не могу понять и сформулировать его и пытаюсь отвлечься, оглядываясь вокруг. Незнакомый, чужой лес окружает меня. Диковинные деревья, экзотические лианы, какие-то чужие кусты. Кажется, это называется не лес, это называется джунгли. Где я? Интересно, этот вопрос крутился в моей голове? – нет, не этот, что-то другое. По большому счету мне все равно где я. Надо идти в самолет.

Внутри самолета ничего не изменилось и даже беглого взгляда хватает, чтобы понять – моя помощь никому не нужна, но я все равно подхожу ближе, наклоняясь, чтобы убедиться в этом. Я двигаюсь медленно, наблюдая за собой как бы со стороны, и опять удивляюсь как мало крови. Пробираясь между обломками, телами, проводами, я вдруг неожиданно вспоминаю, что еще не была в кабине пилотов. Ощущая странное слабое чувство надежды, я почти бегу, насколько это возможно в разрушенном салоне, в нос самолета и резко толкаю дверь кабины – закрыто! Начиная биться, дергать, стучать я уже почти уверена, что там за дверью есть уцелевшие, и бьюсь с утроенной силой. Дверь поддается неожиданно, и я застываю на пороге. Живых нет. Знакомый холод начинает свое неумолимое движение из глубины моего сознания. Главная опасность в любой ситуации – паника. Опять я слышу вялый и четкий голос, идущий тоже из глубины сознания. Или подсознания? Что сильнее действует в экстремальной ситуации – сознание или подсознание? Что заложено в подсознании – страх или чувство самосохранения? Привычка анализировать любое явление снова спасает меня. Некоторое время я просто думаю об особенностях человеческой психики, а потом понимаю, что жутко хочу пить. Такая проза заставляет меня действовать. Я ищу воду и что-нибудь поесть, перебирая распотрошенные сумки и какие-то шкафчики в кухне самолета и откладывая все, что еще годно в пищу. Натыкаясь на мобильные телефоны, каждый раз я пробую набрать какой-нибудь номер. Совершенно бесполезно, но я продолжаю набирать, в надежде, что чей-нибудь телефон или сеть окажутся достаточно сильными. Вечереет, и я с ужасом думаю о предстоящей ночи. Мне отчетливо представляются дикие звери, собирающиеся на запах человеческой беды, ядовитые змеи, заползающие в разрушенный самолет под покровом темноты... Страх подсказывает решение. Наиболее уцелевшая часть самолета – это кабина пилотов, там даже дверь сохранилась, и окна, в общем-то, целы, хоть и покрыты мелкой сетью трещин. Остаток вечера и даже часть ночи я перетаскиваю тела пилотов из кабины в салон, а уцелевшие продукты и воду – в кабину.

Плотно закрыв дверь и забаррикадировав на всякий случай треснувшие окна какими-то планшетами, я опускаюсь в кресло и тут же проваливаюсь в темноту.

Мягкое, почти ласковое прикосновение кошачьих лап, тихое урчание над ухом – обычное утро рабочего дня. Я не просто просыпаюсь – я вскакиваю с кровати, чувствуя, что снова близка к помешательству. Я дома. Сон? Реальность? Хорошо помню разрушенный самолет и все свои ощущения. Слишком хорошо. Медленно поворачиваю голову, чтобы посмотреть на плечо – небольшие царапины видны не очень отчетливо, но они есть. Не понимаю, ничего не понимаю. Я снова ложусь в кровать и закрываю глаза. Голова работает четко, уснуть мне не удастся, это ясно. Ладно, тогда просто подумаем. На всякий случай я, слегка приоткрыв глаза, убеждаюсь, что действительно дома, и, успокаиваясь, продолжаю думать. Итак, я дома. Это хорошо. Интересно, отмечаю я мимоходом, но той ликующей радости, что была прошлым утром, нет и в помине. Наоборот, тревога, как напоминание о самолете, никак не хочет оставлять меня. Ну да ладно, по крайней мере, здесь-то пока все спокойно, мне ничего конкретно не угрожает, и есть время, чтобы попробовать решить, сейчас сон или все-таки реальность. Щипать плечо я не стану, как выяснилось, это не помогает. Мне, по крайней мере. Но больше почему-то я ничего придумать не могу – мои рассуждения, даже не начавшись, зашли в тупик. Ну и пусть. Зато я дома. А это означает, что надо вставать и идти на работу. Я пытаюсь поднять себе настроение, включив радио, и приготовив себе вкусный тост, но получается неважно, и почти не поев, наскоро вытянув из шкафа первый попавшийся свитер, я выхожу из дома.

На работе первым делом я звоню маме.

– Доброе утро, мамуль, как ты? – не удивляйтесь, но мы живем вместе, просто утром, когда я уходила, мама еще спала. А будить ее я не стала.

– Что-то я долго сегодня спала, наверное, опять давление меняется, или съела что-нибудь, – шуточный голос мамы успокаивает меня, снимает исподволь растущее раздражение, которое идет от неопределенности моего положения – я ведь так еще не решила, во сне я или наяву. Но рутина каждодневных дел, обыденность ситуаций и разговоров, знакомые лица и яркое солнце в окне моего кабинета, заставляют меня забыть о проблеме. Нет, я хорошо помню разрушенный самолет, и все, что с ним связано, но к концу рабочего дня я почти уверена, что это был сон. Очень реальный, правдоподобный, но все-таки сон. И слава богу, как говорится.

– Открытие выставки в четыре часа, – по мелькнувшим в глубине коридора очкам, я понимаю, что отвертеться от мероприятия мне не удастся. Можно было считать, что заведующая выставочным залом Боровикова Галина Алексеевна пригласила меня лично. Выставка местного художника Ивана Макова обещала быть неплохой, мы давно и, что называется, плодотворно с ним сотрудничаем, его произведения всегда отличались каким-то особенным светом и теплом, но, честно говоря, посмотреть картины я могла и в любое другое время... а так придется идти, стоять в толпе гостей, что-то обсуждать. А я люблю смотреть молча и одна, ну, в крайнем случае, с близким человеком. Я, честно говоря, вообще не люблю большое скопление людей, поэтому никогда не хожу на праздники в городе, на ярмарки и карнавалы. Единственное место, где толпа людей не мешает мне – это морской пляж. Я даже испытываю удовольствие, наблюдая за детьми, не желающими ни за что вылезать из воды, и за их мамами и папами, во что бы то ни стало желающими хоть немного растереть замерзших малышей полотенцами. Мне нравятся загорелые тонкие девушки, с хохотом и визгом летящие в воду с пирса и уверенные крутые парни, ныряющие вслед за девчатами. И бабушки с внуками, и тетеньки с дяденьками. Мне нравятся они все. На море. Та же компания в городском парке приводит меня в уныние. Но идти на открытие выставки придется.

В выставочном зале действительно много людей. Причем на удивление много наших, музейных. Обычно у большинства сотрудников находятся неотложные дела, и на открытии

присутствуют только те, кому положено по статусу и те, кто эту выставку организовывал. А тут, смотри-ка, как много собралось! Хороший все-таки художник, надо подойти и поздравить его с новой выставкой. Пробираясь сквозь толпу, я чувствую, как кто-то берет меня за локоть. Обернувшись, я радостно улыбаюсь:

– Екатерина Андреевна, дорогая, здравствуйте, как удачно! Я ведь сегодня целый день не могла до Вас дойти, – я вижу, как она добродушно улыбается на мою шутку. Дело в том, что мы работаем практически в одном отделе, и видимся не просто каждый день, а в день несколько раз. А «дойти» до Екатерины Андреевны – это зайти в соседний кабинет. Но сегодня я и правда, никак не могла до нее дойти и занести книжку, обещанную два дня тому назад. Мне неловко, вчера я просто забыла, а сегодня, выбитая из колеи ужасным сном, я вообще слегка не в себе, но заведующая нашими фондами человек хоть и строгий, но отходчивый и все понимающий. Она работает в музее почти тридцать лет, и знает нас всех с момента нашего прихода. Слава богу, книжка у меня с собой в пакете (я собиралась домой сразу после выставки), и я торжественно отдаю ее. Мы стоим с Екатериной Андреевной, шутливо обсуждая неожиданно большое количество сотрудников на открытии выставки.

– Вы уже подходили к Ивану? – вздрогнув от неожиданности, мы дружно оборачиваемся. Ирина Леонидовна. Она тоже работает в фондах, но недавно – кажется, года два, как она приехала из другого города, где тоже работала в музее. Искусствовед, знающая и приветливая, но в ее присутствии я всегда ощущаю дискомфорт и какое-то напряжение. В музее таких людей несколько, тех, с которыми я поддерживаю лишь видимость легких дружеских отношений. Сотрудников, как и соседей, не выбирают, и приходится работать со всеми, хотя с большинством музейщиков у нас и впрямь почти родственные отношения. Да и не мудрено. Новеньких сотрудников в музее пересчитать – пальцев одной руки хватит с запасом. Зарплаты у нас маленькие, а работа специфическая, и специальные знания нужны, и экскурсии приходится водить и лекции читать, да и день часто бывает ненормированный. В общем, работы много, а денег мало. Поэтому коллектив у нас немолодой, зато проверенный.

– Нет, мы еще только собираемся, – приветливо отвечает Екатерина Андреевна, – а Вы?

Пока они разговаривают, я ищу глазами Аленку. Вижу ее стоящей с Катей совсем рядом, и, извинившись, быстренько отхожу к своим подружкам. К Ивану Макову мы подойдем чуть позже.

– А шампанское давать будут? – Аленка веселится, но поглядывает на часы. Ей задерживаться на работе долго нельзя – маленький Никита ждет.

– Если и будут, то только в конце мероприятия, ты по-любому не успеваешь, – мы с Катей говорим почти хором. От этого нам делается смешно, но долго не посмеешься – начинаются торжественные речи.

– Наташенька, Вы случайно не видели Виктора Николаевича? – Маргарита Зиновьевна, еще одна сотрудница, от которой лучше держаться подальше. Вопрос не по существу, так как Никольский стоит в двух шагах. Ей просто хочется поговорить, но для одного вечера это уже слишком и я просто молча киваю в нужном направлении, делая вид, что с увлечением слушаю очередного выступающего. Это, конечно, не очень вежливо, но где-то в глубине опять появляется смутное чувство тревоги. Почти не слушая ни выступающих, ни подруг, я пытаюсь понять, что меня тревожит. Ну не общение же с сотрудниками, пусть и не очень приятными, но все равно своими, обычно я же их вижу практически каждый день – и это никогда не вызывало тревоги. Наверное, меня беспокоит приближающийся вечер, а значит и ночь. Все понятно: я просто боюсь снова очутиться в самолете. Я вздыхаю. Надо будет на ночь почитать что-нибудь веселое и захватывающее, а еще лучше затеять стирку или уборку, чтобы вымотаться и уснуть без сновидений.

Шампанское давали, но Аленка уже ушла, а мы с Катей просто не захотели толпиться. В общем, не для нас ведь оно, а для гостей, пусть уж гости и наслаждаются. Побродив немного

по выставке, гости и музейщики стали потихоньку расходиться. Мы выходим на свежий воздух небольшой группой и ненадолго останавливаемся на перекрестке. Я – на автобус, Катюша пешком в центр, несколько сотрудников решают вопрос – ехать на автобусе или пройти пешком.

– Давайте прогуляемся, – говорит Екатерина Андреевна, – какой чудный вечер, таких теплых осенних дней может и не будет уж больше. Так тихо, тепло. Пойдемте!

– Пойдем, Катерина Андреевна, – Тамара Петровна, сотрудница фондов, проработавшая в музее не меньше самой заведующей, берет ее под руку, – я с тобой пройду пешком, у меня сегодня муж поздно придет, можно и погулять немного.

Попрощавшись, мы расходимся в разные стороны. Стоя на автобусной остановке, я вижу, как Екатерина Андреевна и Тамара Петровна не спеша идут вдоль дороги, и, оглянувшись по сторонам, начинают переходить улицу. Я качаю головой – до пешеходного перехода еще метров десять, а они сокращают путь...

Неожиданно выскочившая из-за поворота стремительная иномарка даже не пытается притормозить... Как в замедленной съемке вижу Тамару Петровну, бегущую вперед, через дорогу и Екатерину Андреевну, почему-то отступающую назад, прямо под колеса машины. Удар, визг тормозов, дальше я ничего не вижу, все плывет перед глазами, но я понимаю, что бегу и кричу что-то. Мне кажется, что бегу я долго-долго, и не будет конца этому бегу, но я добегаю. Около лежащей на дороге Екатерины Андреевны, держа в руках ее шляпку, сидит на корточках Тамара Петровна, и что-то невнятно бормочет, какой-то мужчина вызывает «скорую» по мобильному телефону, больше никого нет. Даже беглого взгляда хватает, чтобы понять – моя помощь Екатерине Андреевне уже не нужна, но я все равно подхожу ближе, наклоняясь, чтобы убедиться в этом. И отстраненно отмечаю, как мало крови. Мне кажется, что я теряю сознание: все это уже было, я уже смотрела, наклонялась, удивлялась... в самолете. Другая обстановка – те же самые действия. Другое событие – та же реакция. Предчувствие? Предупреждение? Мелкая нервная дрожь постепенно превращается в самую настоящую тряску, мне уже не удержать в руках сумку, я не слышу, что мне говорят. Мужчина, звонивший по телефону, резко трясет меня за плечо и показывает на Тамару Петровну: та оглядывается по сторонам, как будто ищет кого-то.

– Возьмите себя в руки, нам нужна Ваша помощь, – наконец я слышу отчетливый внятный голос. Оглядываясь, я вижу молодого человека, секунду назад трясущего меня за плечо, он уже подошел к Тамаре и показывает ей на меня. Я подхожу ближе.

– Наташенька, помоги, мне не вспомнить телефон Пети, – от жалобного дрожащего голоса Тамары Петровны я прихожу в себя. Петр – это сын Екатерины Андреевны, они живут вместе, поэтому его телефон – это и телефон Екатерины Андреевны. Выстроив таким образом логическую цепочку, я довольно быстро нахожу номер в своей записной книжке. Молодой парень опять звонит со своего мобильного. Странное, почти неуместное чувство благодарности к нему вдруг охватывает меня. Он сам разговаривает с Петром, объясняется с врачами из «скорой помощи», что-то ласково говорит Тамаре Петровне.

– Как Вас зовут, молодой человек? – мой голос почти не дрожит, мне кажется очень важным поблагодарить его, и, услышав «Алексей», я со всей возможной теплотой говорю, – спасибо Вам, Алеша.

Он внимательно смотрит на меня и понимающе кивает головой. «Скорая помощь» увозит Екатерину Андреевну, Тамара Петровна едет с ней. Мне нужно сообщить о случившемся директору и еще кому-нибудь. Родственникам уже позвонили.

Вечером дома у меня снова начинается нервная дрожь, но муж и мама реагируют очень быстро. Какие-то капли, маленькая таблетка, крепкий чай, и главное успокоительное средство – звонок из Москвы: у моих сыновей – студентов все хорошо. Выплакавшись домашним и поговорив с мальчишками, я понемногу прихожу в себя. Я уверена, что сегодня буду спать без сновидений.

Я не сплю совсем. Уже третью ночь я лежу без сна в своей кровати и просто смотрю в потолок. Сегодня были похороны. Я плохо помню все события этих дней. То ли бессонница сказывается, то ли сознание просто отказывается воспринимать все происходящее, но эти дни проходят как в тумане, или лучше сказать – как во сне. Хотя теперь я абсолютно точно знаю, что это не сон. Долгие ночные часы я потратила на то, чтобы попытаться отделить сон от реальности. Итак, рассуждала я, сейчас, лежа дома в своей кровати, я могу восстановить все события моей жизни. Что называется от детского садика до сегодняшнего дня. Я абсолютно точно знаю, что было вчера, позавчера и третьего дня. В логической цепочке событий нет перерывов и провалов. Совсем другое дело – самолет. Несмотря на то, что я помню все, связанное с ним, очень отчетливо, я совершенно не знаю, как очутилась в самолете, куда я лечу, с кем и какова цель моего путешествия. События полета и последующей катастрофы находятся в моем сознании как бы вне времени и пространства. Стало быть, это не реальность, это сон. И еще за эти долгие часы бессонницы я совершенно четко поняла, какой вопрос крутится все время в моей голове. Что происходит? То есть абсолютно точно что-то происходит или должно произойти, и я чувствую это.

На работе все подавлены и молчаливы. Наверное, так будет еще некоторое время. Потом время, которое все лечит, возьмет свое. И работа, которая не останавливается и требует такого же внимания и напряжения как всегда. Она затаит, отвлечет и успокоит. «Все происходит...». Я чувствую, как мысли становятся путанными, на голову наваливается приятная тяжесть, и у меня закрываются глаза. Наконец-то я засыпаю...

Солнечный луч пробивается сквозь закрытые веки и приятно мешает мне. Чуть повернув голову, я пытаюсь спрятаться от него, но получается плохо – ощущение такое, что вся комната залита светом. Я улыбаюсь и собираюсь открыть глаза, но резкая неожиданная мысль заставляет меня еще крепче зажмуриться. «Какое солнце утром в конце октября?! – на улице должно быть еще темно». Какое-то время я лежу, закрыв лицо руками – мне сильно мешает свет – и мечтаю о том, что я просто проспала на работу и уже давно день, пусть даже обеденное время, и теперь мне придется что-то объяснять на работе по поводу такого невероятного опоздания, или что сегодня, например, выходной и идти куда-либо не надо вовсе..., я придумываю еще что-то подобное, но все это не очень убедительно и я медленно открываю глаза.

Самолет. Кабина пилотов и яркое солнце, пробивающееся сквозь какие-то планшеты, загораживающие окна. У меня ощущение, что я просыпаюсь после тяжелого кошмарного сна – жутко болит голова, сохнут губы и в груди какой-то тяжелый комок, мешающий дышать. Через некоторое время я понимаю, что в кабине очень душно, и какой-то странный неприятный запах обволакивает меня. Отсюда нужно выбираться и как можно скорее – это опять как будто кто-то говорит мне со стороны – четко и внятно. Натянув на нос ворот свитера и стараясь смотреть только под ноги, я почти бегом проскакиваю салон, выпрыгиваю наружу и, опустившись на траву в стороне от смердящего самолета, долго вдыхаю свежий незнакомый воздух. Мои мысли просты и на удивление спокойны: «Нужно уходить, здесь меня не найдут, помощи ждать неоткуда. Нужно уходить». Так же спокойно и рассудительно я начинаю планировать свои дальнейшие действия. Нужно собрать какие-нибудь продукты и воду. Проверить сумки – может быть, у кого-то есть большой нож или еще лучше – пистолет, хорошо бы найти компас, не для того, чтобы знать куда идти, а для того, чтобы идти хотя бы прямо, все время в одном направлении. Нужна зажигалка и какая-нибудь шляпа или косынка, и рюкзак, чтобы все положить. Методично и не торопясь, я начинаю действовать. Я вновь просматриваю сумки, чемоданы, пакеты. Мне трудно дышать сквозь воротник свитера и поэтому периодически я выскакиваю на улицу, чтобы отдышаться и заодно просматриваю отобранные предметы, сортирую их по небольшим кучкам. С течением времени количество необходимых вещей растет: в моих

«кучках» уже небольшая надувная подушка, бинокль, скромная аптечка (я беру только те лекарства, которые хорошо знаю), небольшая лопатка, моток веревки, мыло, ножницы. Пистолета нет, зато много ножей и зажигалок. При очередном взгляде на количество отобранных вещей, у меня начинается истерический смех. Уж очень это похоже на классическую ситуацию «Трое в лодке, не считая собаки». Придется перебирать все заново. День подходит к концу, и я начинаю торопиться – с рассветом я должна уйти, тратить еще один день на сборы я позволить себе не могу. Наступающие сумерки подгоняют меня. В рюкзак помещается немного: из еды только шоколад (из какой-то детской книжки я хорошо запомнила, что летчикам на случай катастрофы дают в неприкосновенный запас именно шоколад!) и несколько пачек сухого печенья. Воды в пластиковых бутылках у меня много и я решаю, что сначала соберу вещи (по минимуму!), а оставшееся место все займу водой (по максимуму, так как опять же из книжек знаю: самая опасная вещь – обезвоживание!). Два ножа, пять зажигалок (самых крутых, по моему мнению!), отличная кепка с «ушами», аптечка, мыло, перчатки, чья-то легкая куртка с множеством карманов, запасные носки и смена белья, уложенные в непромокаемый пакет, очень хочется взять запасной свитер, но я отдаю предпочтение веревке, нескольким газетам и туалетным принадлежностям с полотенцем. Делая вид, что не замечаю что делаю, запикиваю в карманы куртки зеркальце, пилочку для ногтей, щетку и другие женские мелочи. Завтра утром я уйду. Последнюю ночь в самолете мне опять придется провести в кабине, но теперь я выбиваю остатки стекла в одном из оконных проемов и оставляю только планшет. Свежий воздух проникает сквозь щели и удушье мне не грозит, а от насекомых у меня есть мазь. Кстати, надо положить ее в рюкзак.

Меня уже почти не удивляет, что, открыв глаза, я обнаруживаю себя в своей собственной комнате. Скорее я удивилась бы, оказавшись снова в самолете. Господи! Неужели даже к такому можно привыкнуть?! Просто невероятно...

Сегодня понедельник, выходных как будто и не было и снова надо идти в музей. Ничего не поделаешь, хотя дни, конечно же, будут тяжелыми. И вопрос не только в настроении, трудность заключается еще и в том, что кто-то должен будет принять на себя обязанности заведующего фондами. Кто? Отправляясь в это утро на работу я и предположить не могла, на пороге каких событий стоял наш музей и я вместе с ним.

Еженедельная планерка началась как обычно, хотя напряжение последних дней сказывалось, и обстановку никак нельзя было назвать непринужденной. Директор тусклым голосом кого-то ругал, заместители такими же тусклыми голосами отчитывались за прошедшую неделю.

– Что сделано по выставке в Риге? – директор спрашивает без должного интереса, но отвечают ему конечно же сразу.

– Списки работ готовы, подтверждение по страховочной стоимости пришло, как только будут точно известны сроки – начнем упаковывать картины, – это говорит Сан Саныч – заведующий оформительским отделом.

– Сроки известны давно, могли уже давно и начать, – в голосе директора появились раздраженные нотки, он явно нервничал.

– Две работы – «Портрет художника» и «Сапфировый волк» – придется снимать с экспозиции, оголится действующая выставка. Хотелось бы сделать это в последний момент, – это Никольский из художественного отдела пытается поддержать Сан Саныча.

– Вот эти две работы и оставьте напоследок, а другие начинайте упаковывать!

Напряжение нарастало. Создавалось впечатление, что директор должен что-то сделать, но не может или не хочет. Должно что-то произойти, должно.

– И последнее, – директор, глубоко вздохнув, поднимает голову и обводит присутствующих тяжелым безрадостным взглядом, – с сегодняшнего дня исполняющей обязанности

заведующей фондами вместо Екатерины Андреевны, – еще один вздох, как перед прыжком в воду, – назначается Ирина Леонидовна Петрова.

Ошеломленное молчание.

– Всем спасибо, – директор даже не заканчивает свою любимую фразу знаменитым «все свободны», он чертит что-то на листе бумаги и ни на кого не смотрит. Мы тихонько выходим из кабинета.

Новость распространяется моментально. Почему-то всех она приводит в недоумение, хотя Ирина Леонидовна вроде бы знающий, опытный музейщик, пусть и работает у нас недавно. Наверное, дело в том, что в нашем музее отношение к фондам какое-то особенное. Все сотрудники были уверены, что Екатерина Андреевна будет работать вечно, и что заменить ее просто невозможно. Подменить ее – на время! – может еще кто-то из старой гвардии, из тех, что прошли с ней огонь и воду, выжили в сыром холодном подвале, где раньше помещались фонды, вынесли переезд из старого здания, когда буквально на руках переносили все экспонаты, в том числе и неподъемные, выстояли под нападками прежней директрисы, считавшей фондовую работу бесполезной и скучной... так что старая гвардия кое-что знает и понимает, но новый человек, это, знаете ли...

Опасения по поводу новшеств подтвердились в этот же день. Уже через два часа был издан приказ о перемещении и разборе коллекций, находящихся ранее на ответственном хранении у Екатерины Андреевны. Меня это касается почти непосредственно – ведь моя основная работа – учет фондов, значит, мне следить за перемещением, проводить сверку наличия, уточняя соответствие номеров и предметов, проверять, искать и прочее, прочее, прочее... Искать... Почти автоматически я отмечаю, что параллели музейных и самолетных событий продолжают. Вспомнив про самолет, я чувствую холодок, но стараюсь не замечать его. Это был сон, только сон.

День проходит в разговорах и обсуждении новостей. Каждый считает своим долгом зайти и высказать свое мнение. Кто-то возмущен, кто-то удивлен, кто-то доволен. У меня много работы, но я продолжаю отвечать, обсуждать, соглашаться и успокаивать. Телефонный звонок спасает меня от очередной бурной речи очередного сотрудника.

– Наталия Владимировна, здравствуйте, это Светлана из исторического отдела, мне необходимо уточнить несколько номеров по Вашим книгам, когда можно подойти? – люблю я работать с историками. Никогда не сваливаются как снег на голову, сначала позвонят, уточнят, есть ли у меня время ими заняться, и могу ли я им помочь. Приятно мне и удобно им, потому что если уж мы договариваемся, то я всецело занимаюсь только их проблемами.

– Здравствуйте, Светлана, рада Вас слышать, давненько Вы у нас не появлялись, – наши историки располагаются в другом здании, поэтому видимся мы далеко не каждый день, – много у Вас номеров?

– Немного, – смеется Светлана, – десятка два!

– Да уж, прилично накопили, – я притворно вздыхаю, – давайте завтра, удобно Вам?

– Я вообще хотела договориться на следующую неделю, – в голосе Светланы звучат извиняющиеся нотки, – на этой неделе у меня выездные лекции...

– Хорошо, – я смотрю свой календарь, – давайте в следующую среду, с утра.

Следующий звонок напоминает о выставке в Риге.

– Наташа, Вам уже приносили исправленные списки работ? – это главный хранитель беспокоится.

– Не только списки, но и акты уже готовы, я только что их просматривала – там теперь все в порядке: рядом с фамилией Верещагина стоит знак вопроса.

Эти списки переделывались уже в третий раз. Сначала увеличилось количество работ, отправляемых на выставку – устроители разрешили, затем выяснилось, что у нескольких картин перепутаны размеры – секретарь поторопилась, а теперь вот забыли поставить знак вопроса

около фамилии Верещагина. Картина «Сапфировый волк» – одна из самых интересных работ этого замечательного художника. В сюжете нет ничего необычного: на заснеженной лесной поляне возле двух берез остановился крупный волк. Он смотрит насторожено прямо на зрителя, слегка наклонив голову. Очень просто. Но цвет! Синий снег, темно-синие тени деревьев, на густой серой шерсти зверя драгоценными сапфирами блестят снежинки. Весь воздух картины пронизан необычным синим светом. То ли ранний зимний вечер, то ли позднее утро. Но главное, говорят, что при особом освещении и при особом ракурсе, глаза волка блестят, но не желтым, не зеленым, не красным, а синим огнем! Не знаю, мне не удавалось это увидеть, но говорят... Удивительная картина! К сожалению, авторство Верещагина не подтверждено официальной экспертизой, поэтому во избежание недоразумений уже двадцать лет просто ставят знак вопроса около фамилии художника – и вопросов нет.

Спустившись в фонды в конце дня, чтобы уточнить наши дальнейшие совместные действия по передаче, я с удивлением узнаю, что разбор уже начат. Рабочие носят огромные скульптуры, сотрудники переставляют с полок предметы помельче.

– Почему не пригласили учет? Кто составляет описи? – мои вопросы почти риторические, но ответ от Ирины Леонидовны я получаю:

– По приказу директора мы все сделаем сами, в учет предоставим уже готовые акты передачи.

Заведующая фондами мне не подчиняется, поэтому я молча ухожу. Разговор с нашим общим начальником – главным хранителем – ни к чему не приводит. Она только разводит руками и говорит, что приказ директора обязывает осуществить разбор и передачу фондов в кратчайшие сроки, а если сразу проводить и сверку, то все затянется на неопределенный срок, а с фондами надо работать, предметы выдавать на выставки и исследователям, кто-то должен это делать, а сверку проведем потом, когда...

Дома я выплескиваю накопившиеся за день эмоции. Часа полтора муж и мама сочувственно выслушивают как можно и как нельзя вести разбор фондов, какие документы должны быть оформлены, как должен вести себя в этой ситуации главный хранитель и что я думаю вообще по поводу всей системы хранения фондов. Звонок брата останавливает меня, мне становится стыдно, и я переключаюсь на проблемы домашние. Вечером, лежа в кровати, я опять начинаю «заводиться», вспоминая свой разговор с главным хранителем. Злюсь я в основном из-за собственного бессилия, из-за того, что ничего не могу изменить, ну не в министерство же писать, в самом деле... Пусть будет как будет, мне же работы меньше – пытаюсь таким образом себя успокоить, я долго ворочаюсь и наконец засыпаю.

Просыпаюсь я с чувством ожидания чего-то нового. Кабина пилотов меня совсем не удручает, напротив, я даже испытываю легкое удовольствие оттого, что не надо решать музейные проблемы. Сегодня я ухожу из самолета. Я иду искать помощь, но сначала мне надо решить, в какую сторону двигаться. Я не знаю где я, поэтому можно даже просто бросить жребий. «Мы не будем полагаться на случай, мы пойдем логическим путем» – так, кажется, звучит классическая фраза. Ну что ж, пойдем вместе. Мне становится весело. На севере холодно, на юге жарко. Восток – это рождение солнца, запад – это... никаких ассоциаций у меня в этот момент не возникает, и я принимаю решение. Я иду на восток. К солнцу. Наверно, я должна была бы остановиться на краю поляны, чтобы бросить прощальный взгляд на самолет, немного постоять в задумчивости и только потом, решительно повернувшись, бодро зашагать навстречу новому неизведанному пути, но я легкомысленно пропустила первую часть. Я просто ушла, не оглядываясь и не задумываясь. Чужой лес встречает меня сумраком, утреннее солнце лишь слегка пробивается сквозь густые заросли. Идти мне не очень легко, ведь нет даже намека на какую-нибудь тропинку, но и прорубать заросли кустарников или лиан, как это показывается в фильмах про джунгли, мне, к счастью, не приходится. Постоянно сверяясь с компасом

(будем надеяться, что здесь нет никаких аномалий!), я старательно обхожу деревья и разросшиеся кусты. Почему-то мне кажется, что я очень скоро выйду к какой-нибудь деревушке или наткнусь на дорогу, ведущую к людям. Эти мечты поднимают мне настроение, я иду довольно быстро, хотя иногда останавливаюсь поглядеть на ярких птиц или красивых бабочек. Диковинные растения тоже привлекают мое внимание, на некоторых из них есть ягоды, но я не рискую их пробовать. В общем-то я знаю, как вести себя в лесу. Еще в школе мы с братом увлекались туризмом и в походы ходили регулярно: спасибо нашему дяде – руководителю нашего городского туристического центра. А когда повзрослели – я от походов как-то отошла, а брат увлекся охотой. Я вдруг вспомнила, как первый раз попросила брата взять меня на охоту. Когда я робко выразила свою просьбу, брат немного призадумался, но, к великому моему изумлению, не отказал. Сказал, что подумает. А через день позвонил и сказал, что в субботу организуется охота, и если я не передумала и хочу испытать все тяготы охоты с собаками, они готовы меня взять. Как я могла передумать, даже смешно, такой шанс!

Я вспоминаю, как радостно и немного нервно собиралась тогда на охоту. Вопросы об одежде, обуви и сухом пайке задавала быстро и ненавязчиво, чтобы не показаться совсем уж ни к чему не приспособленной. Помогло то, что у меня охотник не только брат, но и сыновья увлекаются этим хобби, когда приезжают на каникулы. Так что представление о сапогах, свитерах, и термосе с горячим чаем (лучше с добавлением ложки-другой бальзама или коньяка) у меня имелось.

Охота с собакой ведется в светлое время суток, но выезжали мы затемно, чтобы «не терять света», как мне объяснили. Помнится, собаки, заслышав шум подъезжающей машины, подняли неистовый лай. Я, сочувствуя жителям близстоящих домов, испуганно смотрела на проходящих мимо соседей, но с удивлением услышала добродушное «Как много радости ты им доставляешь, Сергей! Всю неделю они тебя ждали...». Удивляться мне потом приходилось еще не раз, а пока я вижу, как по темному двору несутся со всех ног собаки и с разбегу влетают в машину. Собак двое. Лидер – это конечно Снайпер – западно-сибирская лайка, трехлетний красавец, на счету которого уже 27 «звезд». На большом художественном полотне со сценой охоты хозяин отмечает каждого зверя, добытого с помощью Снайпера, так, как отмечали во время войны сбитые самолеты. Вторая собака тоже западно-сибирская лайка – Санта. Она тогда была еще совсем молоденькой, ей всего 7 месяцев. Стройная, точеная фигурка, своенравный характер и удивительно хитрые умные глаза с невероятно рыжими ресницами. «Она только учится – говорит Сергей, – и от меня далеко не отходит пока, но думаю, тоже будет неплохой охотницей».

Охотники приняли меня хорошо. Не возражали, когда я фотографировала, охотно отвечали на мои вопросы, и помнится, все шутили и спрашивали, действительно ли я хочу идти в загон. А я, ни о чем не догадываясь, отвечала, что хочу попробовать все. Пока мы ехали к месту загона, я наконец догадываюсь поподробнее расспросить брата о том, что мне предстоит. Обычно разговорчивый и словоохотливый, сейчас он немногословно, очень коротко и четко объясняет мне ситуацию. Небольшой лесок окружен дорогой. На дороге по всему периметру будут стоять «номера» (охотник с ружьем). С одного края «номеров» не будет, оттуда пойдет загон. Это мы с собаками. Собаки побегут по лесу, и если там есть зверь, они его погонят на «номера», а дальше, что называется «дело техники». Вроде все понятно. Самое интересное, что говорит мой брат вполголоса, да и «номера» расставляются в полной тишине, даже дверцу машины мужчины не захлопывают, а тихо прикрывают. Сначала мне немного смешно, как будто взрослые дяди играют в войнушку, но азарт постепенно захватывает и меня – уж слишком интересно играть. Кроме того, и собаки сидят совершенно тихо. Как только Снайпер начинает совсем тихо поскуливать, Сергей шепчет «все, Снайпер, охота началась, тихо», и собака тут же замолкает и больше не издает ни звука.

Расставив «номера», мы едем к месту начала загона. Я сижу на переднем сидении, проверяя настройки фотоаппарата. Дима, молодой охотник, сидящий на заднем сидении, со знанием дела спрашивает меня о параметрах моей техники. Мы увлеченно обсуждаем пиксели, возможности фокусировки, зум и объемы карт памяти, когда Сергей, явно едва сдержавшись, чтобы не сказать что-нибудь покруче, прикрикивает на Димку: «След смотри, «фотограф»...». Я послушно замолкаю, а Дима, подмигнув мне заговорщицки, сразу переключается на «след». Я тоже смотрю в окно и ничего не вижу. Да и что можно увидеть на ходу из машины? Оказывается, можно. Машина резко тормозит и мужчины, прошептав «собак не выпусти», бесшумно выскакивают на улицу. Я тоже хочу выйти, решив, что уже приехали, но брат машет рукой «сиди». Сажу. Охотники присаживаются на корточки, что-то разглядывая на обочине, машут руками то в одну сторону, то в другую, делают несколько шагов вперед, опять машут руками, несколько шагов назад... как в песне «два шага налево, два шага направо, шаг вперед и два назад»... Переходят на другую сторону и «ритуальный танец» повторяется. Мне интересно, о чем они говорят, и я тихонько приоткрываю окно. Оказывается, они больше молчат, объясняясь почти как в разведке – жестами. Как в кино, честное слово. Вернувшись в машину, возбужденно шепчут «кабан прошел, сейчас обрежем, если не вышел где-нибудь». Для себя перевожу на человеческий язык: кабан ночью (наверное) вошел в лесок, в котором мы собираемся делать загон, и если чуть дальше по дороге не найдем следов кабана, выходящего из этого леса, то будем окружать и искать кабана в лесу. Кажется так. Через несколько минут машина снова резко тормозит, мужчины снова выскакивают на улицу, я снова сижу в машине. Возвращаются они... как бы помягче сказать... «разочарованные». Переводя на человеческий язык: кабан ушел почти сразу. Правда, много следов косули, так что загон состоится. Хорошо бы и мне разбираться так в следах, думаю я, идя по незнакомому лесу. Глядишь, скорее бы вышла к людям. Я вздыхаю. Надо бы попросить брата научить меня хотя бы основам. Задумавшись, спотыкаюсь о какое-то бревно. И тут же вспоминаю, как, спотыкаясь и заваливаясь, шла в первом в своей жизни загоне.

Как только собак выпустили из машины, и прозвучала команда «Ну вперед, ребятки, искать!» они тут же молнией срываются с места. Вот тут я и поняла, о чем меня спрашивали, когда задавали вопрос, хочу ли я в загон! О том, чтобы фотографировать, можно и не вспоминать. Дорожки, по которой можно было бы бежать, нет. Кругом ветки, деревья, кочки, поваленные деревья, какие-то ямы и прочая, прочая, прочая. Я бегу за Сергеем, который идет за собаками, покрякивая «Оп! Оп! Оп!». Он идет почти спокойно, а я бегу со всех ног. Как это так получается, я не понимаю, но стараюсь не отставать. Неожиданно он останавливается и стоит, прислушиваясь к чему-то. Я с трудом перевожу дыхание, пытаюсь не очень свистеть и сопеть. Через некоторое время осмеливаюсь спросить «А чего мы стоим?» с ужасом представляя, что он сейчас скажет, что просто дает мне передохнуть (потом стыда не оберешься!). Обошлось. Он говорит, что слушает, куда ушли собаки, чтобы идти за ними. Дальше еще круче, дальше – болото. Конечно, морозец очень кстати, но я все равно проваливаюсь одной ногой в ледяную воду. Не очень глубоко, но мои бурки успевают намочнуть. Я мужественно продолжаю идти. (Забегая вперед, скажу, что я так никому и сказала о замерзшей ноге и, самое удивительное, не отморозила ногу и не заболела). Собаки убежали вперед, Сергей за ними, я за Сергеем. Ветки царапают лицо, пот течет по спине, ноги проваливаются в ямы, но чувство такое, что я счастлива. Где-то послышался собачий лай, вскоре раздается выстрел, другой, третий, потом еще несколько. «Что это там за пальба? – Сергей в недоумении, – неужели целое стадо выгнали?»

Все выясняется, когда мы собираемся вместе. Одну косулю добыл третий «номер», бывший полковник, на вопрос, зачем так много стрелял, отшучивается: «Так оборонялся!»

В общем, охота тогда удалась. Добыча была, собаки не ушли в находящийся рядом государственный заказник (говорят, бывало и такое, и искали их потом часа по три – четыре), сло-

манную машину благополучно дотащили до города. «Собирайтесь еще!» – приветливо говорили мне охотники на прощание. Хотя ружья мне так и не дали.

Все это я с удовольствием вспоминаю, шагая по незнакомому лесу, вернее по джунглям. У меня хорошее настроение. Идти нелегко, но приятно, и я не устраиваю себе ни «обеда», ни «перекура». Но ближе к вечеру настроение начинает портиться. Целый день непрерывного движения, но нет и намека на присутствие человека. А впереди ночь... Я резко останавливаюсь. Господи! Здесь нет спасительной кабины, закрытой планшетами, нет кресла, по которому не ползают всякие насекомые. Как я буду спать? Я устала. И я боюсь. Дрожь, такая знакомая и ненавистная, начинает сотрясать мое тело. Что делать? Что делать?! Вернуться к самолету я до ночи не успею, даже смешно об этом думать. Идти вперед – как идти ночью? Темно. Зажечь факел? Но как с ним идти, да и из чего факел-то делать?! Силы резко покидают меня, и я опускаюсь на траву. Но тут же вскакиваю, оглядываясь и всматриваясь в траву, кусты и камни. Везде какое-то шевеление, движение, какая-то жизнь каких-то насекомых. А звери? Я вспоминаю, что, сидя в самолете, слышала и урчание, и рычание, и чавканье... Живое воображение тут же начинает рисовать картинки-страшилки. «Остановись, сейчас еще день» – спасительный четкий голос прерывает начавшееся головокружение. Думай, дорогая, думай. Это я говорю себе уже сама. От зверей спасение одно – огонь. От насекомых – мазь. От змей – тоже огонь. Но как поддерживать огонь всю ночь? Я точно знаю, что не выдержу и усну, поспать надо хоть немного. И потом, костер будет отпугивать зверей и змей только с одной стороны, а если он начнет затухать, пока я буду спать, то с другой стороны можно незаметно подойти, подползти, подкрасться. Значит нужно развести круговой огонь, а лечь в центре. А чтобы не сгореть, нужно отделить огненную полоску от меня небольшой канавкой, так, как мы всегда окапывали костер, когда ходили в походы. Воспоминания о том, что мне уже приходилось разводить костры, ночевать у открытого огня и спать «в полсна», немного ободряют меня, и я начинаю действовать. Расчистив небольшое пространство, я очерчиваю круг по своему росту. Большим ножом с широким лезвием я начинаю копать канавку шириной сантиметров в десять. Копаю неглубоко, поэтому работа продвигается быстро, и я решаю сделать канавку пошире. Закончив, принимаюсь собирать дрова. Сухих ветвей и палок хватает, и довольно быстро я укладываю мой костер вокруг вырытой канавки. Усевшись в центре, рассматриваю свое сооружение. Что-то беспокоит меня, мне кажется, что я что-то не додумала, что-то не доделала, что-то упустила. «Свою» площадку я проверила – никаких непрошенных гостей на ней нет, от огня я буду отгорожена довольно широкой полосой вырытой земли, вещи мои рядом со мной, что же не так? Я укладываю газеты среди веток костра, чтобы поджечь их и тут осознаю, что огонь запросто может распространиться вглубь леса. Себя-то я обезопасила, а лес? Мне еще только лесного пожара не хватало. Надо прорыть еще одну канавку – по внешнему краю костра. Начинает темнеть, и я тороплюсь, отмечая про себя, что мне еще очень повезло с землей – она довольно рыхлая и податливая. Иначе я всю ночь бы копала... Зажигалки действуют безотказно, ветки сухие, земля надежно удерживает огонь. Я ложусь на землю, положив под голову бутылку с водой, одной рукой сжимая нож, другой – крепко прижимая к себе рюкзак. Надо немного поспать.

– Наталия Владимировна, еще у нас стерся номер на макете древнего поселения, – Светлана виновато улыбается, но я ободряю ее:

– Макет – это вспомогательный фонд, не основной, там книжек меньше, найдем!

– Там осталась одна цифра, кажется она первая – «2»

– Еще легче. Берем каждая по книге и начинаем листать...

– Какую кому? – Светлана тоже начинает шутить, – бросим жребий?

– Мы не будем полагаться на случай, – слова, произнесенные мной по привычке, застревают в горле. Самолет. Я замолкаю на секунду, но, взяв себя в руки, продолжаю обычным

тоном, – Вы, Светлана, берите последние книги, там все как-то почетче, и Вам будет полегче разобраться, а я возьму первые.

Вот уже больше недели в нашем музее творится что-то невообразимое. Нет, внешне все как обычно: приходят посетители, организуются выставки, решаются различные текущие и острые проблемы, но нервозность и раздражение, сквозящие почти в каждом слове, заметны всем сотрудникам. Ощущение такое, что нас всех накрыло какой-то черной волной, и все самое плохое выплывает наружу. Мы ссоримся с коллегами, грубим подругам, злобно сплетничаем и совершенно не хотим работать. А работы как раз, что называется «невпроворот». Передача фондов оказалась гораздо сложнее, чем предполагалось. Многие предметы, особенно поступившие в первые послевоенные годы и пролежавшие в фондах без движения долгие годы, утратили маркировку (а может, ее и вовсе не было!) и теперь необходимо было искать в книгах эти вещи, уточняя номера, даты поступления, размеры, сохранность. Работа эта кропотливая, медленная, а Ирина Леонидовна постоянно всех подгоняет и нервирует сотрудников. Фондовики жалуются коллегам из других отделов. Кто-то искренне сочувствует, особенно те, кто сталкивался с подобными проблемами, а большинство просто распространяет нервозность и раздражение дальше. А я нахожусь в эпицентре этого урагана, поскольку все приходит для уточнения в учет, а уж зайдя, не преминут посплетничать и повозмущаться. Нервы, как говорится, на пределе, и любое напоминание еще и о самолете...

Самолет... Вот уже больше недели я иду по незнакомому лесу. Иду на восток, если верить моему компасу. Я все еще рассматриваю красивых птиц, бесстрашно летающих и прыгающих буквально в нескольких сантиметрах от меня, но растения и бабочки мне уже надоели. Мой рюкзак сильно полегчал – поубавилось воды, которую я пью и которой (непростительное расточительство!) умываюсь. Иду я теперь гораздо медленнее, регулярно отдыхаю – так, как нас учили в туристических походах: пятьдесят минут движения – десять минут отдыха. Мне не весело и не грустно, я как будто выполняю необходимую работу, и иду просто потому, что надо, стараясь не думать о том, что будет, когда закончатся вода и силы. Каждый вечер я методично и тщательно готовлю себе ночлег, точно так же как в первый вечер в лесу. Тогда, в ту первую ночь, у меня страшно затекли руки, и теперь нож я не сжимаю в руке, а просто кладу рядом. Просыпаясь утром... Каким утром? Просыпаюсь утром я в своей постели, а вот засыпая вечером, я просыпаюсь около чуть тлеющего костра.

Что творится в моей голове, я не понимаю и, честно говоря, даже не пытаюсь разобраться. Будни обычной жизни с завидным постоянством перемежаются в невообразимым путешествием, начавшемся с катастрофы самолета. Очень отчетливо я помню все события и того и другого мира. Почему сон такой реальный, и почему реальность такая неожиданная? Шагая по лесу, я часто обдумываю музейные дела или вспоминаю проблемы домашние, а на работе я однажды поймала себя на мысли, что надо бы мне сегодня мазью от насекомых намазать не лицо и руки, а перчатки и кепку – меньше воды уйдет потом на умывание. Удивительное дело, но я никому не рассказываю ни о своих снах, ни о своих ощущениях. Иногда мне хочется рассказать все мужу и маме, но я не уверена, что такие вот повторяющиеся сны не являются показателем какого-нибудь психического заболевания, и волновать своих домашних мне совсем не хочется. Хватит с них того, что каждый день им приходится выслушивать мои сентенции по поводу происходящего в музее.

Пролистывая книги и вчитываясь в названия предметов, я постепенно успокаиваюсь, и уже через несколько минут мы со Светланой смеемся над описанием какой-то картины, где «изображены два дерева и одна береза», или, прочитав название «крюк для привязывания коня на время», удивляемся, почему нет в комплекте «крюка для привязывания коня навсегда». Неожиданно я натыкаюсь взглядом на знакомое название. «Картина. Сапфировый волк». На некоторое время я задумываюсь: Верещагин у нас во вспомогательном фонде?! Такого просто не может быть! Но тут же вспоминаю, что сразу после войны многие картины были отне-

сены во вспомогательный фонд, до, так сказать, определения их подлинности. Но потом специальным решением комиссии их все перевели в основной фонд... вот ротозеи! Видимо, просто не отметили в старой записи, что картина переведена в основной фонд. Надо будет исправить эту ошибку. Я не помню сейчас номер основного фонда этой картины, да и в голове мелькает непрошеное «надо бы проверить соответствие размеров, сохранности», но сейчас мне некогда, и поэтому я просто помечаю на календаре номер вспомогательного фонда и пишу – «отметить перевод», и продолжаю листать дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.